

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
**Разборки августовских победителей; контуры
нового строя (1993-1994)**

Юрий Буртин, Григорий Водолазов

НОВЫЙ СТРОЙ

(монолог в форме диалога)

Родила царица в ночь не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку.

(А.С. Пушкин. Сказка о царе Салтане)

Множество фактов указывают на то, что в итоге горбачевской перестройки и почти трех послеавгустовских лет в России в основных чертах уже **сформировался новый общественный строй**. Достаточно далеко стоящий от "реального социализма", которому он пришел на смену, этот новый строй в то же время имеет весьма мало общего и с тем, что не раз провозглашалось у нас в качестве цели «политики реформ»: развитое гражданское общество, высокоразвитая рыночная экономика, демократическое правовое государство. Ни по одному из перечисленных параметров наш новый строй даже отдаленно не приближается к указанному образцу. Тем не менее он существует, приобрел известную внутреннюю законченность, а потому в полной мере заслуживает серьезного анализа.

Предлагаемая нами публикация - монолог в форме диалога одна из первых попыток такого анализа, удобный повод для которого дает последняя масштабная акция российских властей - «Договор об общественном согласии».

Ю.БУРТИН. Мне кажется, в своих комментариях к «Договору об общественном согласии» наша пресса пока не нашла нужного тона. Она либо агитирует за подписание договора (чаще всего несколько смущенно, с оговорками насчет его очевидных несовершенств), либо его критикует. Но поскольку критиковать его слишком

просто, то преобладает не развернутый критический анализ, а пожатие плечами, ироническое замечание, сожалеющая усмешка. Ни то, ни другое, по-моему не подходит. Агитация – в силу своей заведомой неубедительности, критика – по той причине, что критики договора, как правило, упускают из виду реальное значение этой акции наших властей. Между тем она очень значима - только в каком смысле? Не как нечто способное сколько-нибудь существенно повлиять на ход событий, но как симптом очень серьезных общественных перемен.

ГРИГОРИЙ ВОДОЛАЗОВ. Присоединяясь к мнению о значимости документа, я, однако, хотел бы для начала обратить внимание не на некоторые любопытные противоречия и парадоксы, сопровождавшие его подписание.

Парадокс первый. Смотрите, с каким размахом проводится акция. Залитый огнями Георгиевский зал... Масса людей за бесконечными парадными столами. Почти Левитановский голос диктора, перечисляющий высокие договаривающиеся стороны. Три речи президента, объединенные идеей согласия: одна – на совместном заседании палат федерального собрания и две здесь, на самой церемонии подписания договора. Притом какие интонации! «Сегодня в Георгиевском зале происходит событие исторического значения... почти восемь десятилетий назад нашу страну постигла страшная трагедия. Россия была ввергнута в бездну гражданской войны... Кровавая межа разделила людей на белых и красных... Проклятье той войны с тех пор висит над Россией... Надо прервать кровавую череду подобных событий. Это не было сделано нашими дедами и отцами. Это обязаны сделать мы. Обязаны... отвести от России тень гражданской войны, которая лежит на ней все эти годы. Нужно перевернуть трагическую страницу истории и поставить последнюю точку в гражданском противостоянии». Вот как!

Ю.БУРТИН. Кстати, не кажется ли вам, что такая несколько экзальтированная концепция нашей истории имеет весьма мало общего с реальностью? Верно, что гражданская война была траге-

дией нашего народа, но неужели мы только сейчас собрались перевернуть эту трагическую страницу, а до сих пор пребывали в состоянии перманентной внутренней вражды? Ведь после гражданской была и Отечественная и несколько других периодов, очень разных по своему историческому содержанию. Неужели же, как подчеркивает президент, «все это время не было примирения»? Да скорее напротив: у нас слишком мало было живой, плодотворной борьбы общественных сил, без которой общество не может нормально развиваться. А когда в 60-е годы все же возникла демократическая оппозиция, тоталитарное государство сделало все возможное, что ее заглушить.

Г.ВОДОЛАЗОВ. Да, и уж если говорить об общественном противоборстве, то не о белых и красных, а о той особого рода, скрытой, по большей части бескровной войне, которую десятилетиями вела против народа сталинская, затем брежневская бюрократия. Но это совсем не такая война, по отношению к которой подходят призывы к всепрощению и всеобщему согласию.

Так вот, повторяю, первый парадокс: договор, представленный с такой помпой, с такими притязаниями на историческое значение, оказывается в итоге подписан только одной стороной. Условно говоря, нынешние «белые» его подписывают, а нынешние «красные» (коммунисты, «аграрии», большинство «патриотов», за вычетом Жириновского) – нет. Потрачено столько усилий, а в результате получается нечто вроде договора Бориса Николаевича с самим собой.

Парадокс второй. «Договор об общественном согласии». На церемонии его подписания президент объявляет – ни много ни мало – о подведении черты под целой эпохой гражданской войны. Как же реагирует общество? Ликует, как 9 Мая? Со слезами на глазах благодарит Бориса Николаевича, Владимира Филипповича, Ивана Петровича и других своих миротворцев? Нет, все тихо. Почти по Пушкину: народ безмолвствует. Население и глазом не повело в сторону этого договора, а свое отношение к его инициаторам и «подписантам» выразило (вскоре после того, как президент огласил свою миротворческую идею) небывало дружным неприходом на

выборы в местные органы власти. Как бы говоря: да ну вас к дьяволу со всеми вашими мордобитиями и примирениями, оставьте нас в покое!

Ю.БУРТИН. Я тут недавно прочел в «Известиях» (за 11 мая) любопытную интерпретацию результатов этих выборов. Дескать, поскольку «народ уходит из политики», «президент вынужден все больше опираться на политическую и государственную номенклатуру». Мне кажется, зависимость прямо противоположна: народ именно потому и «уходит из политики», что это чужая ему политика, что президент предпочитает опираться на номенклатуру. Так что неприход на выборы - это в наших условиях скорее доказательство политической активности людей, лишенных иной возможности повлиять на их результаты и не желающих быть пешками в чужой игре.

Г.ВОДОЛАЗОВ. Парадокс третий. С верхних этажей власти звучат взволнованные речи о недопущении гражданской войны, страстные призывы к миру... Ну, было бы понятно, если бы они звучали в те, например, моменты, когда Руцкой звал на штурм Кремля, а Грачев выводил танки на мост перед Белым домом. Или когда Верховный Совет бросался на президента с импичментом наперевес, а тот грозил ввести какой-то «особый порядок управления». Или когда высокие руководители швыряли друг в друга чемоданы с «компроматом». А то ведь в правительстве ныне стабилизация «по Черномырдину» (ну постучит он иной раз кулаком по столу по тому поводу что министры опаздывают на заседание, но это не бог весть какой серьезный конфликт). И в парламенте идет в общем-то нормальная работа, пусть и не слишком плодотворная (за исключением быстрых и конструктивных решений по вопросам обустройства самих депутатов). Может быть, где - то партии и фракции и являются полномочными. Правда, случаются истерические всполохи в иных выступлениях есть и факты битья депутатских физиономий. Но, во - первых, это чаще происходит в кулуарах, а во- вторых, подобные завихрения образуются в основном вокруг одного знаменитого депутата, который то кого-нибудь бьет, то сам бывает кем-нибудь

поколочен...И всевозможные митинги – демонстрации проходят нынче без прежней воинственности.

И вот в этих- то условиях, как гром среди ясного неба: покончим с гражданской войной! Ясно, что тут что-то не то, что под этим кроется нечто отличное от объявленного вслух. Все эти странности – как компасная стрелка под большим месторождением: она мечется, бесится, показывает - тут что- то зарыто...

Ю.БУРТИН. Итак, поговорим прежде всего о том, симптомом каких социально- исторических обстоятельств является документ, торжественно – скучно (если не считать последовавшего за сим банкета) подписанный 28 апреля 1994 года в Кремле.

МАНИФЕСТ НОМЕНКЛАТУРНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Г.ВОДОЛАЗОВ. Договор называется «об общественном согласии» (в проекте еще более выразительно: « о достижении гражданского согласия в России»). Но если вчитаться в текст договора, если вспомнить, как и где шло его обсуждение, кто участвовал в подписании, - сразу станет ясно, что речь тут идет совсем не о согласии внутри общества, не о согласии общественных слоев, граждан России речь идет.

Как справедливо отметил при подписании договора г-н Шумейко, о «согласии политиков, государственных и общественных деятелей», то есть о согласии различных представителей и разных частей нашей «политической элиты».

Правда, оратор «надеется», что документ этот явится договором и «для всего народа». Но об основаниях для такой надежды спикер верхней палаты умалчивает. И понятно – почему: из текста договора она не вычитывается.

Могут сказать: а не казуистика ли – подобные рассуждения? Ну да, договор подписали политики. А что, надо было сто миллионов россиян пригласить в Георгиевский зал или разослать подписные листы по всем городам и весям? Разве партии не есть политическая форма, рожденная для выражения интересов граждан, социальных слоев? Разве депутатские фракции – это какие - то группы

самозванцев? Ведь они избраны гражданами России и, следовательно. Являются их полномочными представителями, разве не так?

Может быть, где-то партии и фракции и являются полномочными представителями народа, только не у нас. Давайте вспомним, что собой представляют наши партии. Их программы напроць неизвестны абсолютному большинству россиян: опросы, проводившиеся в течение 1993 года, показывали, что лишь около 10 процентов избирателей имели представление (да и то, как правило, смутное) о целях этих партии среди населения, об их крупных общественных инициативах? Опять-таки нет. Обычно нынешняя российская партия – это один или несколько «лидеров» примкнувшие к ним малоизвестные широкой публике функционеры. Что такое, например, партия ПРЕС? Это - Шахрай и Шохин. ЛДПР – это Жириновский. НПСР – Руцкой. ДПР – Травкин. «Выбор России» – Гайдар и еще три-четыре человека.

А как создавались наши партии? Большинство их отнюдь не выросло из глубин общества, из интересов социальных групп, из их самоорганизации. Собиралось несколько человек в каком-нибудь высоком кабинете, а потом оттуда шли организационные команды по телефонам и факсам. Последний, прямо-таки классический пример – создание партии Шахрая. Незадолго до выборов за неделю-другую сварганили партийку. Таких кабинетно-чиновничьих партий, если располагать государственными возможностями, можно в короткие сроки напечатать сколько угодно.

Ну а затем эти небольшие группы, назвавшие себя партиями, с благословения президента «организовали» такое положение о выборах, по которому за ними бронировалось 50 процентов мест в Государственной Думе (по так называемым партийным спискам). Многие газеты тогда писали: что вы делаете? Одумайтесь, господа, не издевайтесь так неприкрыто над демократией! Ну, оставьте своим микропартиям 10-15 процентов мест - тоже много, но ладно, пусть это послужит стимулом для формирования у нас нормальной многопартийности. Нет, настояли на 50 процентах, да и остальные 50 взяли под свой жесткий организационный и финансовый

контроль.

Ю.БУРТИН. Между прочим, теперь уже ясно, что присутствие партий в Думе не прибавило им авторитета в обществе, хотя, возможно, и вовлекло в них некоторое число новых карьеристов. Так что аргумент насчет стимулирования многопартийности оказался битым.

Г.ВОДОЛАЗОВ. О чем же свидетельствовали выборы? Половина избирателей голосовать просто не пришла и, следовательно, никаких своих представителей в парламенте не имеет. А те, кто пришел, избрали лишь «вождей» – десять, ну, двадцать человек. Остальные, означенные в партийных списках, были простым приложением к вождям. Избрали, например, Жириновского, Травкина, Шахрая, которые прихватили с собой по несколько десятков человек из своих Команд. Строго говоря, этих последних никто не избирал, и что они собой представляют, никто толком не знает. Какие же они после этого? Они, по сути, назначены депутатами своим вождем. Так что это самая настоящая номенклатура, то есть не избираемая, а назначаемая сверху элита. И, значит, Жириновский имел все основания настаивать на своем праве лишать депутатских мандатов «зафинтивших» членов своей фракции, их никто не избирал, это *ego* избирали: а он их назначил, потому может и «снять».

Я уже не хочу углубляться в номенклатурное прошлое большинства нынешних «сенаторов» и депутатов, ни в разговор о том, сколь близки все эти «полномочные» к тем, кого они якобы представляют по уровню своего бытия. Приведу лишь свидетельство человека, хорошо знающего жизнь верхних эшелонов власти. «В условиях сверхнапряженного положения с финансами, - заметил президент в речи 24 февраля, - федеральные власти с удивительной легкостью расходуют колоссальные суммы на свое обустройство». И далее – чрезвычайной важности вывод, под каждым словом которого я готов поставить и свою подпись: «Все это свидетельствует о том, что появилось и углубляется новое отчуждение власти от людей, от их повседневных нужд».

Парадокс. Однако состоит в том, что именно к ним, к этим различным фракциям и ветвям отчужденной от людей власти, и обращается президент с призывом о сплочении, о сотрудничестве, о партнерстве. Представляете, что будет с отчуждением в обществе, если все эти фракции и ветви еще и «сплотятся» между собой?

Короче говоря, и в выступлениях президента, и в договоре речь идет не об «общественном», не о «гражданском», а о *номенклатурном* согласии. Поэтому правильным названием документа было бы: «Договор о согласии российской номенклатуры». Поскольку согласиться ей предлагается в необходимости от конфронтации к цивилизованным формам отношений – ко взаимной терпимости, политическому диалогу, неукоснительному следованию правовым, конституционным нормам, призыв этот носит вполне демократический характер, а документ, в котором он провозглашен, есть, безусловно, документ демократии. Но какой? Как ясно из вышесказанного, это не та демократия, благами которой в равной мере пользуются все слои общества, а *демократия для элиты, для номенклатуры*, то есть **НОМЕНКЛАТУРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ**.

Ю.БУРТИН. Эта констатация кажется мне весьма важной, а термин «номенклатурная демократия» - достойным войти в современный политический словарь. Очень жаль, что этого понятия до сих пор не было в нашем обиходе. Будь мы раньше им вооружены, научись отличать номенклатурную демократию от подлинной, а режим номенклатурной демократии – от действительно демократического строя, наша страна, может быть, избежала бы многих бед. Тогда мы, возможно, не допустили бы той почти поголовной нравственной порчи, которая, как проказа, изъела души политиков посткоммунистического периода. Тогда благородные слова «демократия», «демократ» не оказались бы скомпрометированы, низведены, как сейчас, чуть ли не до уровня бранной клички. Тогда и реформы, скорее всего, пошли бы у нас по-другому, и результат их был бы совершенно иной...

Увы, это столь необходимое разграничение приходит к нам слишком поздно, когда мы уже нахлебались досыта прелестей номенклатурной демократии, своекорыстной и лживой, бездарной и беспомощной во всем, что выходит за рамки интересов самой номенклатуры, да и то лишь ближайших, без всякого загляда вперед. Но лучше поздно, чем никогда.

Мировая история знала немало таких общественных устройств, где демократия существовала лишь для части общества, в то время, как другая его часть была из нее либо полностью исключена (как это было в античных рабовладельческих республиках), либо имела гражданские права в той или иной мере номинально, формально, без серьезных шансов ими воспользоваться, без возможности оказать сколько-нибудь заметное влияние на формирование органов власти и их политику. Классические примеры такой демократии, реальной для господствующих классов и формальной для социальных низов можно в изобилии почерпнуть из европейской истории XIX века. Маркс и его единомышленники были совершенно правы, когда наделяли ее ограничительным эпитетом «буржуазная». Неправота же их (резко возросшая у Ленина и его последователей) заключалась в том, что они не видели, не хотели видеть, как уже в XIX, а особенно в XX веке, и чем дальше, тем больше, европейская демократия претерпевала глубокие изменения. Из более или менее формальной для большинства населения она превращается в реальную, из классовой - во всеобщую. И хотя процесс этот нельзя считать полностью завершенным и у современной западной демократии есть свои противоречия, именовать ее «буржуазной» нынче уже решительно невозможно. Тем самым впервые в мировой истории и теперь уже, казалось, окончательно демократия как могучий двигатель прогресса и одна из главных универсалий человеческого общежития вступила в качественно новую эпоху своего исторического бытия.

Однако если современной общечеловеческой нормой стала демократия без сужающего социального определения, демократия действительно всех и для всех, то что в таком случае означает

появление на политической карте мира нашей нынешней номенклатурной демократии? Эта новая форма демократии классовая, сословная представляет собой на пороге XXI века странный исторический анахронизм. Это вчерашний день, это шаг назад или, в лучшем случае куда-то вбок, ни никак не вперед, к нормально устроенному гражданскому обществу.

Но я, кажется, прервал нить вашего рассуждения.

Г.ВОДОЛАЗОВ. Я хотел бы добавить несколько слов об объективном смысле той политической стратегии, которая предлагается в договоре, оценить ее в историческом контексте.

В своей речи 24 февраля президент так определил суть происходящего: «Период тотальных разрушительных процессов прежней системы завершается». Я думаю, это верно, дело, действительно, идет о начале нового этапа. Но подлинный, глубинный смысл совершающихся перемен я вижу не в переходе от стратегии конфронтации к стратегии согласия, от гражданского раскола (а то и войны) к гражданскому миру и тем более не в переходе от тоталитарного номенклатурного режима к демократии. *Завершается (сопровождаясь частичной сменой кадров) трансформация старой, властвовавшей до 1985 года политической элиты в новую политическую элиту, опирающуюся на новые механизмы господства.* Общество не стало демократическим, народ, как и прежде, отстранен от собственности, от рычагов власти и управления – здесь существенных изменений не произошло. Обновилась элита, сменились формы ее правления.

Прежняя элита была однопартийной, моноидеологической, тоталитарной. Нынешняя – плюралистична и многопартийна. Последние годы внутри нее шел поиск наиболее адекватной времени и интересам системы взаимоотношений различных ее частей. В духе старого менталитета был испробован режим конфронтации. Наиболее дальновидные пришли к выводу, что он губителен для всех частей элиты. Ее общие интересы требуют цивилизованных, согласительных, демократических способов

взаимоотношений.

Иначе говоря, с политической точки зрения, мы имеем дело с переходом от режима номенклатурного тоталитаризма (жесткого в эпоху Сталина, ослабленного – при Брежнев) к номенклатурной демократии.

К НОВОМУ ЗАСТОЮ!

Ю.БУРТИН. «Договор об общественном согласии» носит ярко выраженный программный характер. Программа, которая в нем изложена, в очень большой степени *новая*.

До сих пор все программные документы суверенного российского государства заключали в себе идею экономических и политических реформ. «Курс реформ» был чем-то вроде имени нашей государственной политики. Правда, с течением времени разговоры о реформах становились все менее содержательными и конкретными, а само слово «реформа», как заметил недавно один журналист, «стерлось до состояния монеты, утратившей номинал». Но все же оно еще продолжало держаться в официальном обиходе. И вот перед нами программная декларация, где установка на реформы, пожалуй, впервые отброшена. Тщательно вытравлено и само это слово, употребленное лишь однажды, в контексте обещания «осуществлять реформы на селе (какие – не сказано.- Ю.Б.) преимущественно на основе экономических методов, максимально исключая административные меры», проще говоря, не трогать колхозы-совхозы, заповедные владения наших советских помещиков. Поскольку текст договора готовился очень основательно, был предметом долгих утрясок и согласований, предположить, что «курс реформ» выпал отсюда по какой-то случайной оплошности, разумеется, невозможно. Нет, отказ от него - это политика, новая, сегодняшняя политика российского руководства.

Что же взамен? На какой идейной основе предлагается строить согласие сторон? Документ отвечает на этот вопрос достаточно четко: вместо реформ, во главу угла теперь выдвигается нечто прямо противоположное – лозунг «стабилизации социально-

экономической ситуации». «Участники Договора, - говорится здесь, - обязуются принимать все необходимые меры для обеспечения стабильности в стране...»

Итак, от реформ к стабилизации – вот такая смена вех заложена в договор о согласии, таково «последнее слово» идеологии и политики российских властей. И, словно для того, чтобы ни у кого не осталось на сей счет никаких сомнений, заместитель министра экономики РФ Сергей Васильев как раз в момент подписания документа заявляет: «в основных чертах реформы закончены. Сейчас главное - не менять правила игры, поскольку стабильность важнее перемен» (Реформы кончились? Забудьте. - "Московские новости», 1994, 24 апреля – 1 мая). Таким образом, перед нами программа сохранения нынешнего порядка вещей, программа поддержания статус-кво. "Остановись, мгновение, ты прекрасно!» Вот что выдвигается в качестве основы согласия политических, и если представители, и если представители многих из них как бы то ни было подписали договор, то, значит, им такая программа по душе.

О чем говорит смена ориентиров правительственной политики? Очевидно, о том, что, по мнению российского руководства, задачи «курса реформ» выполнены. Тот же Сергей Васильев именно так и понимает дело. Его аргументы? "Приватизация состоялась... То же с либерализацией цен: практически все они отпущены на свободу... Валюта в стране конвертируемая... Субсидируемый импорт ликвидирован. То есть экономика России по существу стала открытой». «Что же бывает после того, как реформы закончены?» – интересуется корреспондент. – « Нормальная жизнь», – отвечает заместитель министра.

В данном случае несущественно, какое содержание вкладывает правительственный чиновник в понятие реформ, – важно, что это понимание соответствует официальным взглядам. И вот, согласно этим взглядам, реформы закончены, потому что цель их в основном достигнута. Но если это так, то нельзя не согласиться с тем, что

Примечание [11]:

документ, оформляющий переход от «курса реформ» к политике «стабилизации» знаменует собой весьма важный исторический рубеж. Он в самом деле подводит черту. Правда, не под периодом многодесятилетней гражданской войны, как пригрезилось президенту, но под тем, что у нас в последнее время часто называли «переходным периодом», имея в виду переход, от «реального социализма», к новому экономическому и политическому устройству. Если реформы состоялись и наступает «нормальная жизнь», значит, переход этот совершился и мы уже на другом берегу.

Итак, констатируем факт, сегодня мы уже живем при новом не только политическом, но и экономическом строе. Я думаю, для данного утверждения у нас не меньше оснований, чем у русских марксистов конца прошлого века, которые на вопрос, пойдет ли наша страна по капиталистическому пути, отвечали, что вопрос запоздал, ибо капитализм в Россию уже пришел. По аналогии с вашей «номенклатурной демократией» я называю этот экономический строй **«номенклатурным капитализмом»**.

Г.ВОДОЛАЗОВ. Стоило бы сказать о нем чуть подробнее.

Ю.БУРТИН. Мы имеем дело с результатом перестройки (очень точное оказалось слово!) нашего прежнего общественного устройства. Система, при которой мы прожили большую часть своей жизни, была не сломана, а перестроена, она сохранилась, только как бы перевернулась на другой бок. При этом в ней многое сместилось, кое- что (устаревшее и маловажное для нее самой) с нее осыпалось.

Во- первых (и раньше всего) отлетела, как пустая шелуха, старая, официальная идеология, в которой правящий слой уже не испытывал большой нужды.

Во- вторых, рассыпалась тоталитарная политическая система – с КПСС и Советами, Госпланом и Госснабом, КГБ и цензурой.

В - третьих, совершился переход к рынку.

В - четвертых, произошла децентрализация государственной

собственности и раздача ее в персональное владение тем, кто прежде лишь управлял ею в качестве государственных служащих. В результате на базе директорского корпуса и местной администрации у нас сформировалось чрезвычайно оригинальное явление – класс индивидуальных владельцев объектов госсобственности.

Нынешний строй включает в себе весьма многое от «нормального» капитализма, в том числе свободный рынок (хотя и на монопольной основе), хозяйственную деятельность исключительно с целью извлечения прибыли, постепенно расширяющийся сектор частной собственности на средства производства, землю, недвижимость и прочее. Вместе с тем это принципиально иной строй, прямое продолжение нашего доперестроечного строя.

Начать с того, что все рычаги государственного управления, как в центре, так и, в собственности, на местах, остались в руках прежнего «аппарата», лишь слегка разбавленного новыми людьми (впрочем, быстро уподобившимися старым).

И даже наш частный бизнес имеет сугубо аппаратную природу. Вот вполне типичный пример, относящийся к Липецкой области: «Бывший первый секретарь обкома Виктор Донских – генеральный директор акционерного общества. Бывший первый секретарь горкома Евгений Васильчиков – заместитель председателя правления акционерного банка. Бывший управляющий делами обкома Анатолий Негроров – совладелец частной фирмы. Бывший первый секретарь секретарь Задонского района Николай Наумов – генеральный директор товарно- сырьевой биржи...

Впрочем, движением из агитпропа в бизнес ныне никого не удивишь (В. Выжутович. «Партия начальства». – «Известия», 1994, 12 марта).

А самое главное, осталось в сути своей неизменной основа общественных отношений «реального социализма» – система эксплуатации большинства населения правящим бюрократическим слоем, только к прежнему – коллективному, корпоративному –

способу такой эксплуатации прибавились новые, свобода же пользования ими стала почти безграничной.

Это общество, где средства производства, даже если они «приватизированы», по - прежнему лишены заботливого и инициативного хозяина; где не поощряется трудолюбие и бережливость; где царят казнокрадство и коррупция; где безраздельно властвует чиновник, а рядовой человек перед ним по-прежнему абсолютно бесправен. Как и то, что было раньше, это принципиально застойная структура, лишенная всяких ресурсов саморазвития. Спокойно, эволюционным путем перерасти в нормальное современное постиндустриальное общество она не в состоянии, в то же время в мягкую, «бархатную» революцию, наподобие той, что прокатилась по странам Центральной Европы, наш послеавгустовский режим сумел успешно предотвратить.

И вот этот – то новый строй и новую несправедливость нам предлагают рассматривать как «нормальную жизнь»! Этот – то ублюдочный псевдокапитализм, результат ограниченных, половинчатых реформ, проведенных за счет народа в пользу «обновленной» и «демократизировавшейся» комноменклатуры, пытаются «стабилизировать» и освятить с помощью «Договора об общественном согласии»! Спасибо, господа хорошие, вы славно все придумали.

СТРАХ

Г.ВОДОЛАЗОВ. Итак, номенклатурный капитализм (в экономическом плане) и номенклатурная демократия (в политическом плане) – вот та новая действительность, которая нашла свое отражение в рассматриваемом нами документе. Но все же, это непосредственно заставило наших руководителей прибегнуть к такой несколько странной, пожарной мере - при отсутствии, слава богу, самого пожара?

Ю.БУРТИН. Я думаю, главная причина тому - страх. Страх в связке с назревающим конфликтом между властью и обществом.

Вы правы, сегодня роде бы нет оснований как-то особенно волноваться по поводу мира и спокойствия в нашем

государственном доме, - отчего вся эта затея кажется многим надуманной, праздной. Нет сколько-нибудь значимых конфликтов ни между ветвями власти, ни между регионами и центром, ни между фракциями в Думе. Даже записная «непримиримая оппозиция» типа «Трудовой Москвы» или фронта национального спасения» (штурмовые отряды наиболее реакционные части той же партноменклатуры), помня октябрьский урок, ведет себя гораздо скромнее, чем раньше. Затишье, политический штиль...

Однако наша власть - как тот хороший хозяин, что готовит сани летом, а телегу зимой. Да, сегодня нужды в подобном договоре, кажется, нет. Но завтра? Достаточно поставить вопрос таким образом, чтобы президентская инициатива перестала казаться зряшной. Современные тенденции таковы, что не оставляют места сомнениям: уровень общественного недовольства будет в ближайшее время неуклонно и, может быть, быстро нарастать. Особенно сильное непосредственное влияние на него будут оказывать, вероятно, три фактора.

Первый – невыплаты заработной платы, широко применяемые нынче правительством (правда, с исключением для себя и других хороших людей) в качестве способа уменьшения дефицита бюджета и сдерживания инфляции. Второй- сама инфляция. Третий – растущий вал безработицы в результате массовых остановок производства.

Инфляция, безработица, кризиса сбыта – типичные болезни капиталистической экономики. Неизвестные плановому» они хозяйству самим фактом своего появления в нашем хозяйственном организме свидетельствуют о его капиталистической природе. Но если нормальный современный капитализм успешно лечит их движением (ускорением и обогащением капиталистического роста), то у застойной экономики номенклатурного капитализма от этих болезней нет лекарств. И вопреки казенному оптимизму правительственных чиновников пресса полнится по этому поводу самими тревожными размышлениями и прогнозами.

Вот пара выдержек из газеты, вполне лояльной по отношению к

президенту и правительству.

«От директоров часто можно слышать, что... мол, пройдут каким-то чудом неплатежи – и жить можно. Но чуда-то как раз и не произойдет... А решать проблему еще раз методами 1992 года, т.е. кредитной накачкой, означало бы получить инфляцию уже не 15-20 процентов, как прежде, а все 40» (реформа сверху в России не проводится, утверждает Александр Лившиц, руководитель группы экспертов президента РФ. - «Известия», 1994, 20 апреля).

«Из 568 предприятий Санкт-Петербурга... не работают в эти дни 190... Не работают все крупные предприятия Омска... Такие «праздничные» сообщения пришли в эти дни практически из всех российских регионов... В эти дни мы почувствовали - масштабная безработица уже скоро, если не завтра» (там же, 6 мая).

К этим надвинувшимся опасностям, которые власть не в силах ни предотвратить, ни отклонить, нужно прибавить неизбежное повальное разочарование в результатах «приватизации». Я беру это слово в кавычки, потому что реальная приватизация – раздача госсобственности в «полное хозяйственное ведение» промышленной, аграрной и местной администрации - состоялась еще в 1988 - 1990 гг. Поскольку отбирать их у нее государство не собиралось, чековая приватизация 1992 - 1994 гг. была уже, так сказать, «второй приватизацией», предпринятой в основном затем, чтобы «прикрыть грех» первой, то есть хорошо организованным обманом зрения. Когда он развеется (а это должно произойти очень скоро) и подавляющее большинство населения увидит, что его обвели вокруг пальца, трудно предугадать те формы, в которые выльется его досада и раздражение.

Совокупное действие названных факторов, особенно если оно окажется синхронным, не только способно взорвать нынешнее относительное спокойствие, но и представляет серьезную угрозу для режима в целом.

И все это –на фоне того более общего, глубинного противоречия, которое вытекает из предложенных выше характеристик нашего экономического и политического строя. Противоречия между

ожиданиями огромных человеческих масс, их надеждами на лучшую жизнь, которая после падения тоталитарного режима, казалось, обязательно должна была для них наступить (пусть ценой новых и более тяжелых лишений), - и тем, к чему мы на деле пришли в итоге «перестройки» и «курса реформ». Осознание этого противоречия распространяется все шире, и чувства, им вызываемые, приобретают все большую остроту.

Вот достаточно характерное выражение современных настроений. Рабочий А.Корьюс из Коврова Владимирской области пишет в ту же отнюдь не оппозиционную газету: «Уверен: если побывать на любом предприятии и спросить, что дала людям приватизация, они расскажут то же, что и я. Приватизированные предприятия фактически перешли в личную собственность руководителей. Они правят бал, не считаясь ни с кем. Я работаю на заводе слесарем самого высокого разряда и получаю мизерную зарплату (60-80 тысяч). А работать приходится по 11 часов... Директор завода со своей элитой получают миллионы, отдыхают семьями исключительно на Канарских островах. А для рабочих денег нет! Новые хозяева собственности сплошь и рядом ведут себя так, будто бы все приобрели на свои собственные деньги».

Итог письма: «Мы не против реформ. Согласны даже жить хуже, если потребуется. Но бесправие, беззащитность, унижения терпеть не согласны. Не хотим быть на положении рабов. Многих это так оскорбляет, что они уже сейчас готовы идти громить новых «буржуев». Вот здесь и кроются корни социального взрыва – опять рабочим нечего терять!» («Известия», 1994, 20 апреля)

«Договор об общественном согласии» – не что иное, как ответ властей на такие настроения (разумеется с радостью и не без успеха используемые в своих целях коммунистической и нацистской реакцией, политическими спекулянтами типа Руцкого и Зюганова, Жириновского и Анпилова. Это попытка загодя поставить заслон на пути нарастающего недовольства масс, обессилить их протест, связать обязательством неучастия в нем хотя бы организованные политические силы. Отсюда – такая

невывразительная деталь как обязательство профсоюзов « на время проведения мер по стабилизации экономики», то есть на неопределенное время, « не проводить и не участвовать в организации забастовок... в целях, не имеющих непосредственного отношения к вопросам заработной платы, условий труда, сохранения рабочих мест». Читай: не проводить забастовок с политическими и сколько-нибудь масштабными социальными требованиями.

Однако этот явно неадекватный ответ на вызов времени, свидетельствующий не столько о здоровой предусмотрительности властей, сколько о том, что им нечего сказать обществу, нечего ему предложить. А значит, несмотря на все увеличивающееся количество подписей под договором о согласии, это не то количество, которое переходит в качество. И нет никаких оснований думать, что этот бумажный заслон может оказаться прочным.

Г.ВОДОЛАЗОВ. К боязни будущего я бы добавил: и прошлого. Они там, наверху, решили, видите ли, примириться и отпустить грехи друг другу. Значит и нам не следует ни помнить, ни знать, ни думать ни о чем, что предшествовало их нынешнему «согласию»: ни о перипетиях «перестройки», ни об августе 91- го, ни о сентябре – октябре 93- го, ни о том, на чем основывались прошлогодние взаимные обвинения в коррупции, ни о том, как в действительности прошлогоднее голосование 12 декабря. Характерный симптом обустройства новой элиты, не раз повторявшийся на нашей памяти. Помните, как устраиваясь на вершинах власти, брежневская команда требовала: хватит ворошить прошлое и тем будоражить народ! Замолчим о преступлениях сталинщины, вычеркнем из истории неудобного Хрущева...

Научный анализ? Никакого анализа не нужно, все уже сказано, забудьте. После двух лет перестройки ту же песню затянул Егор Лигачев: хватит кликушествовать по поводу нашей истории, хватит ее оскорблять... Так и сегодня: с прошлым покончено, поэтому перестанем копать, в нем, колоть им друг другу глаза... Новая

элита у власти, а потому в интересах «стабилизации» ее положения «перевернем страницу» - и концы в воду. Удивительно однотипное отношение к исторической правде и удивительная схожесть аргументов!

Ю.БУРТИН.

Забыть, забыть велят безмолвно,
Хотят в забвенье утопить .
Живую боль. И чтобы волны
Над ней. сомкнулись. Быль - забыть!..
Забыть велят и просят лаской
Не помнить, память под печать,
Чтоб ненароком той оглаской
Непосвященных не смущать.

Плохи наши дела, если эти строки Твардовского, обращенные против «стабилизаторов» брежневского режима, вновь обретают актуальный политический смысл. Как и следующий за ними вывод:

Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу

НАДЕЖДА

Г. ВОДОЛАЗОВ. В призыве к «стабилизации» нельзя не увидеть стремление «обновленной» элиты удержать захваченное, достигнутое. И заметим: в то время как «разрешающие» положения договора общи и малосодержательны («изыскивать возможности», «предпринимать все меры» для преодоления кризиса науки, для воспитания молодежи, для поддержания здравоохранения и пр., «строго придерживаться», «стимулировать», «обеспечивать»...), «запретительные» - очень конкретны:

Нет - действительным реформам.

Нет - политическому противоборству. (Хотя политическая борьба в рамках закона и Конституции - не только не синоним гражданской войны, но условие здорового, действительно демократического развития общества.)

Нет - досрочным выборам. (Хотя всем известно, что в

демократическом обществе досрочные выборы ветвей власти – нормальное и эффективное средство разрешения тупиковых ситуаций в функционировании политической системы.)

Нет - поправкам к Конституции. (Хотя в периоды крутых социальных ломок, - а мы переживаем именно такой период, – законодательство обычно отстает от потребностей быстротекущей жизни. Как же можно лишать себя возможности восстанавливать это постоянно нарушающееся соответствие буквы закона логике жизни?)

Нет, как уже сказано, многим видам забастовок. (Хотя это чуть ли не единственное действенное средство, позволяющее отчужденному от власти народу мирным путем защищать свои интересы.)

Нет - идеологической борьбе в сфере исторического знания...

Собственно говоря, вся программа «стабилизации» и состоит из этих табу, из этих запретительных знаков. Застой в экономике предполагается таким образом, дополнить застою в политической жизни.

Но такая программа менее всего способна реально стабилизировать обстановку. Наоборот, все эти «нет» так закупоривают, так стесняют нормальную жизнедеятельность общества, настолько лишают его механизмов разрешения накапливающихся противоречий, что в случае осуществления программы этих шести «нет» мы приходим к прямо противоположному итогу: к тому, о чем говорит процитированный вами рабочий, – к взрыву огромной социальной силы.

Нам говорят: больше никаких существенных изменений, достаточно, пора остановиться. Однако с точки зрения нормальной, «низовой» демократии такой призыв более чем странен. Как это – никаких изменений?

Во-первых, еще много чего «недоменяли», настоящие, подлинно демократические реформы ни в культуре, ни в экономике: ни в политике еще не осуществлены.

Во-вторых, за последнее десятилетие много понаделано такого, чего никак нельзя закреплять и стабилизировать, - «прихватизацию», например, распад науки и культуры. Притом неплохо было бы немного «дестабилизировать» вольготно обустроившуюся старую и новую номенклатуру – в рамках закона, разумеется.

Так что надежды наших «стабилизаторов» тщетны. «Низовая», общегражданская демократия, конечно, не сможет примириться со всеми этими незаконными запретами, противоречащими даже действующей Конституции, как ни мало она демократична. Широкие слои населения с возрастающей решительностью будут выступать против номенклатурной демократии и номенклатурного капитализма, против нового отчуждения. Их активность даст настоящую силу уже рожденным жизнью и новым союзам, движениям, ассоциациям, способным действительно выражать их жизненные интересы. *Противоборство этих двух демократий (а не соперничество и сговоры различных элит должно составить главное содержание предстоящего этапа общественного развития.*

Конечно, еще не все уложилось, не все состыковалось на вершине политического Олимпа. Да, там еще будут происходить различные мини-разборки, шум вокруг которых будет значительно превышать их реальную значимость. Еще будут какое-то время мутить там воду мелкие и крупные политические авантюристы. Если прогноз относительно нарастающего конфликта между властью и обществом подтвердится, то, несомненно, будет достаточно охотников вырядиться «друзьями народа» и, оседлав недовольство масс, въехать на нем в Кремль или, на худой конец, в Федеральное Собрание. Будут сталкиваться личные амбиции, будут топорщить усы и шевелить скулами разные самозваные кандидаты в бонапарты. Но уже сложившиеся мощные элиты - управленческие, предпринимательские, военные, профсоюзные, политические, региональные - властно укажут пределы, в которых этим честолюбцам будет дозволено заниматься своими политическими шалостями. Главная ось нынешней политики -

номенклатурное согласие - определилась.

Кто-то еще из элитных групп не подписал договор. Со временем подпишут - не этот, так другой, подобный. По большей части, тут дело не в политических, а в личностных и узко групповых противоречиях. Общеноменклатурный интерес и основанная на нем политическая целесообразность заставят членов различных враждующих группировок перешагнуть через них. Нашли же, и довольно быстро, общий интерес те, кто защищал Белый дом в августе 91-го (Хасбулатов, Руцкой), и те, кто ему угрожал (Лукьянов и Макашов, к примеру); их всех теперь водой не разольешь. Я бы не преувеличивал и степень принципиально - политических различий многих из тех, кто находится сегодня в президентском окружении, тем более в правительстве, с вышеназванной четверкой и их друзьями.

Лидеры «оппозиции», среди которых Зорькин, Руцкой, Зюганов, Тулеев, Бабурин, Проханов, Говорухин, Ципко, не подписали договор, а приняли особое обращение, с концепцией своего варианта «общественного договора». Но основная идея ее та же, что и в договоре, подготовленном президентской командой. «У нас только один путь к спасению - очнуться, протянуть друг другу руки в прощении взаимных упреков и прегрешений, - говорится в этом обращении, опубликованном газетой «Завтра» (1994, №11). - в этом противостоянии не будет ни победителей, ни побежденных. Каждый новый конфликт увеличивает опасность гибели России. Безумию слов и дел мы противопоставляем уважение к закону, созидание во имя Родины. Здесь все, как в том договоре: и взаимное отпущение грехов, и тезис о невозможности победы какой-либо из сторон, и предложение протянуть друг другу руки. Правда, на своей 8-й полосе газета забывает о том, что написано на первой. Там публикуется письмо одного читателя. «Это кто же говорит нам о «гражданском мире»? – пишет он. – Лично я им не верю, не верьте и вы. Надо сперва прогнать их президента да пересажать по заслугам половину всей этой своры – вот и будет у нас долгожданный мир и покой». - «Нет, нет и еще раз нет! – отвечает газета своему читателю. – Абсолютно с Вами не

согласны...С какой же это вдруг стати: пересажать – только половину?

Как видим, «Завтра» еще не определилось до конца: то ли отпустить грехи и протянуть руки оппонентам, то ли их всех пересажать. Вот такие в ней две тенденции борются. Конечно, с точки зрения демократии, желательно, чтобы победила тенденция первой полосы, ибо за номенклатурные «разборки» общество обычно расплачивается жизнями своих ни в чем не повинных граждан. Но установление действительно цивилизованных форм отношений, в том числе и внутри элиты может быть достигнуто только в том случае, если в обществе сформируется сила, способная *заставить* воинствующие группировки отказаться от угроз и насилия. Речь идет о формировании хорошо организованного общегражданского демократического движения, которое оказалось бы в состоянии не только положить конец кровным распрям «верхов», но и обеспечить победу подлинной демократии над номенклатурной.

Ю.БУРТИН. Да, вся надежда – на это. Увы, пока только надежда.

В РОССИИ ПОСТРОЕН НОМЕНКЛАТУРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

РЕТРОСПЕКТИВА (Ноябрь 1995 г.)

Номенклатурная приватизация», «номенклатурная демократия», «номенклатурный капитализм» - это триединство, служащее для обозначения сути нынешнего строя в России, - наше с Юрием Буртиным изобретение. Содержание, стоящее за этими понятиями, оказалось в центре обсуждения «круглого стола», прошедшего в июне 1994 года. Среди его участников были видные политики – Е. Гайдар, Г. Явлинский, Г. Бурбулис, Ю. Афанасьев, Л. Пономарев, И. Хакамада, и известные теоретики – О. Лацис, Л. Шевцова, И. Клямкин, П. Кудюкин, Б. Капустин и др. Большинство забракowało нашу терминологию. Мы не согласились и продолжали в печати ее отстаивать, стремясь более глубоко раскрыть стоящее за ней содержание. По-видимому, нам удалось ухватить что-то суще-

ственное – так, что через некоторое время Е. Гайдар в своей книге «Государство и эволюция» даже, написал: «Получили права гражданства термины «номенклатурная приватизация», «номенклатурный капитал», «номенклатурная демократия». И далее: «Ясно, что здесь мы приближаемся к самому ядру очень существенных «подспудных» процессов, определяющих то, что видно на поверхности». Думается, читателю будет интересно ознакомиться с ходом дискуссии, которая развернулась вокруг этого «ядра». Стенограмма выступлений некоторых участников «круглого стола» взята из журнала «Мегаполис» (№3, 1994).

В связи с этой тематикой сделаю одно добавление. В начале 1995 г. вышла в свет книга Е. Гайдара «Государство и эволюция». Она превосходна во многих отношениях. В особенности я выделил бы в ней анализ этапов номенклатурной приватизации в 1987 - 1991 гг., которую автор метко называет «приватизацией до приватизации», «лжегосударственной формой существования частного капитала» - когда «размах номенклатурного разворовывания в 1990-1991 гг. превосходил все, что мы имели на этой ниве в 1992 – 1994гг.». Это была «келейная, паразитическая приватизация без включения рыночных механизмов и смены юридических форм собственности». И дальше: «Номенклатурный рынок» - это не рынок, где командуют бывшие члены номенклатуры, «номенклатурная приватизация» - не приватизация, при которой права хозяев получает экс-номенклатура. Речь не о персоналиях, а о системе». Это все верно и точно.

Но я бы оспорил, пожалуй, главную идею книги Гайдара, лежащую, увы, в основе его нынешней политической позиции и деятельности.

Так, Гайдар утверждает, что демократической альтернативы номенклатурной приватизации не было. «Звучит неприятно, – пишет он, – но если быть реалистами, если исходить из сложившегося к концу 80-х годов соотношения сил, это был единственный путь мирного реформирования общества, мирной эволюции государства». И потому необходимая и неизбежная логика общественного

развития России, согласно Гайдару, состоит в следующем: вначале – номенклатурная приватизация и номенклатурный капитализм, затем их реформирование в направлении к рыночной (демократической) приватизации и нормальной рыночной экономике «демократическому капитализму»). И начало этому реформированию положено приватизационной реформой Ельцина-Гайдара-Чубайса – отпуском цен и программой ваучеризации. Правда, эти реформы, из-за сопротивления Верховного Совета, осуществились в урезанной форме. И все же прогрессивный сдвиг в направлении «полудемократического капитализма», «полурыночной системы» осуществлен. Иначе говоря, с реформ Гайдара-Чубайса началось преодоление номенклатурной приватизации и номенклатурного капитализма. Задача следующего шага приватизации – преодолеть эти «полу», превратить «половинки» в «полное», «целое».

Меня особенно не устраивают два следующих звена в этой логической цепи.

Первое – тезис об отсутствии во второй половине 80-х годов демократической альтернативы номенклатурной приватизации, Я думаю, такая альтернатива была. Дело в том, что Гайдар все время, вращается в кругу **экономических** задач, **экономического** мышления (что для него, профессионала-экономиста, вполне понятно). Но задача преодоления сложившегося до 1985 г. господства номенклатуры не экономическая (в первую очередь) задача, Ибо господство номенклатуры зиждилось на политическом (а не экономическом) господстве. В отличие от правящего класса Запада, капиталистов, власть которых уходила корнями в экономику, в собственность на средства производства материальных благ, господство правящего класса России – номенклатуры – базировалось на частной собственности на политическую власть, на государство, на «средства управления». А уж **вследствие** этого, номенклатура оказывалась и реальным собственником средств производства. Поэтому если желать устранения господства номенклатуры, следует воздействовать на первопричину ее господства - нужно ликвидировать ее монополию на **политическую** власть. Поэтому первый шаг по преодолению

номенклатурной системы должен быть шагом не экономическим, а политическим, Необходимо лишить ее монополии на власть, Иначе говоря, осуществить глубокие демократические преобразования. Программа этих преобразований хорошо известна: идейный и политический плюрализм, действительная гласность, свобода слова, реальная многопартийность, демократические выборы, правовое государство и т.д. И вот **только** после осуществления этого можно приступать к приватизации, которая, под контролем демократически избранного парламента, демократически объединенной общественности будет приватизацией открытой, явной, создающей примерно равные возможности для всех, то есть – демократической приватизацией.

Имелись ли возможности такой, реальной, демократизации общественной жизни во второй половине 80-х годов? Вспомните многотысячные митинги, всплеск газетно-журнальной гласности, лавину всевозможных объединений населения в клубы, союзы, движения, партии, ассоциации... Апофеозом чего стал Август-91, когда народные, демократические силы только слегка пошевелили пальчиком – и вроде бы грозное ГКЧП разлетелось в прах.

Задача широчайшей демократизации была вполне осуществима, но ее не поставили, не выдвинули на повестку дня. А на первый план выдвинули **экономическую** программу – программу приватизации (главными пропагандистами которой и были Гайдар с Чубайсом). И естественно, в условиях безраздельного политического господства номенклатуры, приватизация и не могла не оказаться номенклатурной.

И вторая ошибка (на мой взгляд, разумеется) Гайдара. Он полагает, что осуществленная им и Чубайсом ваучерная приватизация при всех ее недостатках – все-таки надломила номенклатурный характер экономического строя, усилила значение экономических факторов и механизмов, упрочила роль рубля - и тем положила начало преодолению номенклатурного строя.

Я же думаю, что на деле все осуществилось прямо

противоположным образом. Через механизм ваучеров скрытая приватизация, осуществленная номенклатурой. в конце 80-х годов, превратилась в открытую. Она отмыта ваучерами, разрослась и окрепла с их помощью. Ваучер, не сделав основную массу населения собственниками, дал возможность господствующему бюрократическому сословию отлучить граждан страны от претензий на равновеликую часть ее богатства. И всего за ничтожные 10 тысяч рублей. «Вы получили свою долю собственности? Ну, так и оставьте нас в покое». То есть реформа Гайдара-Чубайса не «надломил» номенклатурную приватизацию, а завершила ее (впрочем, полностью ее завершит нынешний – денежный – этап приватизации, которую продолжает вести Г-н Чубайс).

Ни конкуренции, ни конкурентного рынка не создано. Сформирован рынок, главными субъектами которого являются монопольные приватизационные номенклатурные структуры. Ни о каких «примерно равных возможностях граждан» сегодня не идет и речи. Номенклатура сделала и продолжает делать **свое** дело под покровом наивно-демократической словесности Гайдара и Чубайса. Подобно тому, как в годы номенклатурного социализма партбюрократия прикрывала свое господство идеологическими причитаниями о «благе каждого человека», о «социальном равенстве», так и сегодня нынешняя правящая номенклатура с удовольствием использует демократически-либеральную словесность Гайдара и Чубайса, чтобы делать **свое** – далеко не демократическое и далеко не либеральное – дело. .

Скажу больше. Ситуация в России после гайдаровско - чубайсовских реформ стала не только не благоприятней для демократических преобразований, но значительно сузила их возможность. Ведь до 1985 г. собственность была «государственной», формально принадлежавшей всему населению. Да, реальным ее владельцем, распорядителем и приказчиком было партгосчиновничество. И все же его господство над собственностью было как бы не легитимным, не признававшимся ни законом, ни общественным мнением. Это не была его частная,

его, что называется, кровная собственность. И в этом смысле **ту** госсобственность справедливо называют «ничейной». И все же формально - юридически она была, повторяю, собственностью всех, и у населения имелась принципиальная возможность когда-то предъявить на нее свои **законные** права.

Сегодня эта «формально-общественная собственность» перестает быть «ничейной», она уже стала «чьей-то», она стала индивидуально-корпоративной собственностью номенклатурного сословия. Теперь уже **свою** (не какую-то там, «государственную», «общественную») собственность эти люди так не отдадут. Они, как свидетельствует история, будут за нее драться, используя **все** имеющиеся в их распоряжении средства. Именно эта ситуация, сложившаяся вследствие ваучерной реформы, не только не отдала страну от гражданской войны и кровавого передела, но страшным образом приблизила их. ,

Дискуссия с Андраником Миграняном и Игорем Клямкиным в чем-то продолжает эту полемику с гайдаровско-чубайсовско-бурбулисовской точкой зрения. Так все-таки: движемся ли мы от тоталитаризма к демократии (как считают наши оппоненты), или вновь мы свернули в исторический тупик, по которому нельзя прийти ни к демократии, ни к правам человека, ни к правовому государству. Наши оппоненты полагают, что следует всего лишь совершенствовать путь, по которому мы идем. Мы же считаем, что нужен **ДРУГОЙ ПУТЬ**.

НОМЕНКЛАТУРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

Какое содержание я вкладываю в это понятие?

Это – политический режим, отличающийся как от номенклатурного тоталитаризма и авторитаризма (существовавших в сталинско-брежневский период), так и от подлинной, настоящей (общегражданской) демократии, за которую выступало демократическое движение с первых лет «перестройки».

Как хорошо известно еще со времен Аристотеля, демократия – это «правление многих» («большинства», в пределах - всех). То, что имеем сегодня в России, - это «правление немногих»

(«олигархию», как сказал бы античный классик). И с этим, собственно говоря, уже мало кто и спорит. Элитарный характер нынешних политических партий, созданный специально для движения вверх элиты механизм выборов, узкогрупповые интересы, доминирующие в деятельности парламента и государственно-чиновничьих структур, стали сегодня настолько очевидными, что даже глава нынешнего режима, российский президент, вынужден был отметить как несомненный факт, что «появилось и углубляется новое отчуждение власти от людей».

В элитарности, в усиливающемся механизме отчуждения людей от власти, и состоит главное отличие сложившегося в России режима от действительной демократии.

Теперь сопоставим его с режимом сталинско-брежневских времен. Общее у них, во-первых, то, что и тот и другой – форма правления «немногих», меньшинства, «элиты». Схожи в них и механизмы формирования этого «элитарного», господствующего меньшинства. Здесь «элита», «руководящие группы» формируются не на арене открытой демократической конкуренции талантов - на виду, под надзором и влиянием всех слоев гражданского общества, здесь мнение, позиция «низов» не играет никакой существенной роли. Все основные импульсы идут по вертикали - сверху вниз. Люди **назначаются** на руководящие должности волей узких, «закрытых» верховных групп, иногда освящая подобные назначения голосованием какого-либо низового органа.

Так осуществляло расстановку руководящих кадров в масштабе страны Политбюро ЦК КПСС, так обкомы партии формировали руководящие структуры районных звеньев. Так затем действовало горбачевское Политбюро, сформировав дружную руководящую команду из будущих путчистов августа 91 года. Примерно так назначало (после августа 91 года) представителей президента на местах, руководителей местной администрации некое новое, никем не избиравшееся «политбюро», сложившееся на самом верху, куда входил ряд влиятельных деятелей – так называемых «серых кардиналов». Так, в закулисных маневрах и интригах, происходили

назначения (и увольнения) в послеавгустовском Верховном Совете, под бдительным оком знаменитого «демократа» Хасбулатова.

Так, сверху, из начальственных кабинетов шли распоряжения по формированию руководящих структур политических партий. В таком ключе проходили и выборы 12 декабря 1993 года, на которых малочисленные, кабинетные партии (за небольшим исключением), забронировали себе 50% мест в парламенте и поставили под свой жестокий контроль остальные 50%, на которых россияне избирали не 450 своих представителей, а всего лишь 10-15 вождей (а уж те **назначали** в партийный список себе подчиненных). Жириновский абсолютно прав, когда говорит членам своей фракции: избирали не вас, а меня; я же вас назначил, я и могу вас увольнять, забирая мандат и передавая другому.

Такой метод формирования руководящих структур и именуется «номенклатурным», а **таким** образом формирующаяся «элита» называется «номенклатурой».

Вот почему, на мой взгляд, и сталинский, и брежневский, и горбачевский, и нынешний политические режимы принадлежат к одному и тому же роду – номенклатурному правлению. Но между ними (внутри общего рода) существуют и важные, так сказать, **видовые** различия. Сталинско-брежневская номенклатура – одномерна, однопартийна, моноидеологична, со строжайшей регламентацией всего и вся и с жесткой (даже жестокой) внутренней дисциплиной.

При этом сталинский вариант – более жестокий и всеохватный, это **номенклатурный тоталитаризм**.

Брежневщина – ослабленный, смягченный вариант тоталитаризма; это – **номенклатурный авторитаризм**.

Нынешняя «элита» – плюралистична и многопартийна (в ней широкий спектр политических сил – от консерваторов и либералов до коммунистов и фашистов). Последнее время внутри нее шел поиск наиболее адекватной времени и ее интересам системы взаимоотношений частей элиты. В духе старого менталитета был испробован режим конфронтации, курс на уничтожение

оппонентов. Наиболее дальновидные пришли к выводу, что такой курс губителен для всех частей элиты. Ее общие, долговременные интересы требуют цивилизованных, «демократических» способов взаимоотношений. Вот почему можно сказать, что сегодня осуществляется переход от номенклатурного тоталитаризма к **номенклатурной демократии**. Но, повторяю, это – демократия «цензовая», для «немногих», внутри меньшинства.

Теперь – об **оценке** этого режима. Есть немало политологов, которые, не возражая против его характеристики как элитарного режима, считают, однако, данный режим историческим прогрессом (в таком духе пишут, например, А. Фадин, А. Мигранян, И. Клямкин). Их логика примерно следующая. Невозможно в одночасье, одним прыжком прыгнуть из тоталитаризма в демократию. Это – процесс. Элитарная демократия – есть важный и необходимый шаг на этом пути.

Это было бы верно, если бы нынешняя альтернатива выглядела как выбор между номенклатурным тоталитаризмом и номенклатурной демократией. Тогда бы и я вместе с Фадиным, Миграняном и Клямкиным кричал: «Да здравствует номенклатурная демократия!»

Но не кричится мне так потому, что сегодня не 56-й год и альтернатива, по моему мнению, сегодня (и вообще после 86 года) существенно иная. Для меня номенклатурная демократия сегодня не символ победы (хотя бы частичной) над тоталитаризмом подлинной демократии, а знак победы номенклатуры (старой и новой) над демократическим движением.

Я исхожу из того, что в России к 80-м годам сложились, все условия для установления режима «правления большинства». Массовые движения, возникшие после 85-го года, митинги, демонстрации, грандиозные, толковые, великолепно организованные забастовки рабочих и служащих, яркая и смелая деятельность интеллигенции – в ассоциациях, кружках, клубах, на страницах поднявшейся с колен местной и центральной печати, массовый выход на общественные авансены никому не известных

прежде талантов – в экономике и политике, высокий уровень образованности и культуры россиян с их традиционной нацеленностью на решение общественных проблем – все это выплеснулось на свет божий в первые же годы так называемой «перестройки». В результате, под напором этого мощного прилива низовой демократии, казавшийся неколебимым гранитом тоталитарный режим рухнул в одночасье и практически без единого выстрела. Все его идеологические скрепы, репрессивные решетки, политические замки и железные занавесы оказались давно перержавевшей ружлядью, рассыпавшейся при первом же соприкосновении с ними массовых демократических движений 80-х годов. Попытка же – в августе 91 года – вновь «закрыть» демократическое движение и повернуть течение исторических рек в прежнее тоталитарное русло была сметена с той же легкостью и с той же неумолимостью, с какой морской прилив сметает построенные на пляжном песке детские сооружения.

Однако, победа у демократии оказалась украденной. Но не той дуболомной партгосноменклатурой, на которой держался брежневский режим, а номенклатурой нового, современного типа, формировавшейся из наиболее дальновидных и ловких «коммунистических» аппаратчиков (входивших в дружную команду «архитекторов перестройки»), а затем – в том числе после августа 91-го – и из тех «новых людей», что въезжали во власть на плечах демократического движения.

Если внимательно, не упиваясь риторикой о «процессе»; «исторических реформ», который-де «пошел», рассмотреть конкретные политические шаги «рулевых перестройки», то увидим вещь просто поразительную - едва ли не каждый шаг верховных реформаторов, был направлен не столько на расширение возможностей гражданского, демократического движения, сколько на сужение и усечение мощности развивающейся демократии.

Вот только некоторые, хорошо запомнившиеся вешки на этом пути.

«Идеологический плюрализм» – о, да, конечно, но только в

рамках «социалистического выбора» («социалистический плюрализм»).

«Политическое многообразие» - но при сохранении статьи 6-й Конституции о доминирующей роли КПСС (отменили, когда удерживать дальше было невозможно).

«Гласность» - но как только одна из известных газет опубликовала рейтинг, согласно которому академик Сахаров стоял выше «архитектора перестройки», ее редактору было предложено (кстати, самим этим «архитектором») уйти в отставку.

«Честная, открытая политика» - но партийные архивы по-прежнему недоступны, но пакт Молотова - Риббентропа и документы о трагедии Катюни по-прежнему надежно упрятаны в сейфах главных «перестройщиков».

А войска, подтянутые к Кремлю 28 марта 1991 года, дабы припугнуть не слишком покорный Верховный Совет России? А помните, как один из членов партийного руководства посмел свое суждение иметь – и как хрипящей от злобы стаей набросились на него все члены высшего перестроечного штаба и как их вожак пообещал вольнодумцу – «ты у меня политикой заниматься больше не будешь!».

А тучи густой лжи вокруг Чернобыля, поигрывания мускулами в Вильнюсе, Баку, Тбилиси (помните саперные лопатки?). А из кого формировалась верховная перестроечная команда?

Янаев, Крючков, Болдин, Шенин... Все руководство ГКЧП, это – команда реакционеров, людей позавчерашнего дня – они-то и были «друзьями и ближайшим окружением» архитектора.

Короче говоря, «перестроечная номенклатура» использовала демократическое движение как средство в борьбе со своими «доперестроечными» конкурентами и лишь в той мере, в какой оно этом служило. Все попытки самостоятельных действий низовых демократических сил и структур встречали жестокое сопротивление перестроечной элиты.

И как это ни еще более удивительно, примерно тот же тип

соотношений между «верхами» и «низами» установился в послеавгустовский период. В итоге, к 1994 году мы и получили то, что получили, то, что сам президент назвал новым типом отчуждения людей от власти. Мы, получили новый политический режим – **номенклатурную демократию**. И, как я пытался показать, она не столько средство борьбы с тоталитаризмом, сколько с общегражданской, низовой демократией. И потому я отказываюсь видеть в ней исторически прогрессивный шаг.

Новый режим практически сложился, осталось дорисовать лишь кое-какие детали. Я полагаю, что на основе противоречий и возможностей этого нового строя будет формироваться демократическое движение новой волны. Совершенно ясно, что широкие слои населения с возрастающей решительностью будут выступать в рамках, разумеется, законов и Конституции – против номенклатурной демократии и номенклатурного капитализма, против нового отчуждения. Их активность даст настоящую силу уже рожденным жизнью новым союзам, движениям, ассоциациям, способным на самом деле выражать их жизненные интересы. **Противоборство этих двух демократий (номенклатурной и общегражданской), а не сотрудничество и сговор различных элит составит, на мой взгляд, главное содержание предстоящего этапа общественного развития.**

ЮРИЙ БУРТИН

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Новый **экономический** строй, основные черты которого, на мой взгляд, сложились в России, достаточно сильно отличается от того, которому он пришел на смену. В то же время он имеет весьма мало общего и с тем, что не раз провозглашалось у нас в качестве цели антитоталитарной революции: развитое гражданское общество, высокоэффективная рыночная экономика, демократическое правовое государство. Ни по одному из перечисленных критериев наш новый строй, который я называю «номенклатурным капитализмом», не приближается к указанному образцу и вообще, кажется, не имеет, сколько-нибудь близких аналогов во всей

предшествующей мировой истории.

Мы имеем дело с результатом перестройки (очень точное оказалось слово!) нашего прежнего устройства. Система, при которой мы прожили большую часть своей жизни, была не сломана, а перестроена, она сохранилась, только, как бы перевернулась на другой бок. При этом в ней много изменилось, кое-что (устаревшее и маловажное для нее самой) с нее осыпалось.

Во-первых (и раньше всего), отлетела, как пустая шелуха, старая официальная идеология, в которой правящий слой не испытывал большой нужды.

Во-вторых, рассыпалась тоталитарная политическая система – с КПСС и Советами, Госпланом и Госснабом, КГБ и цензурой.

В-третьих, совершился переход к рынку.

В-четвертых, произошла децентрализация государственной собственности и раздача ее в персональное владение тем, кто прежде лишь управлял ею в качестве государственных служащих. В результате на базе директорского корпуса и местной администрации у нас сформировалось чрезвычайно оригинальное явление – класс индивидуальных владельцев объектов государственной собственности.

Нынешний строй включает в себе весьма многое от «нормального» капитализма, в том числе свободный рынок (хотя и на монопольной основе), хозяйственную деятельность исключительно с целью извлечения прибыли, постепенно расширяющийся сектор частной собственности на средства производства, землю, недвижимость и прочее. Вместе с тем это принципиально иной строй, прямое продолжение нашего доперестроечного уклада.

Начать с того, что все рычаги государственного управления, как в центре, так, в особенности, на местах, остались в руках прежнего «аппарата», лишь слегка разбавленного новыми людьми (впрочем, быстро уподобившимися старым). И даже наш частный бизнес имеет сугубо аппаратную природу. Вот вполне типичный пример, относящийся к Липецкой области: «Бывший первый секретарь

обкома Виктор Донских – генеральный директор акционерного общества. Бывший первый секретарь горкома Евгений Васильчиков – заместитель председателя правления акционерного банка. Бывший управляющий делами обкома Анатолий Негрбов – совладелец частной фирмы. Бывший секретарь Задонского района Николай Наумов – генеральный директор товарно-сырьевой биржи... Впрочем, движением из агитпропа в бизнес ныне никого не удивишь» (В. Выжutowич. «Партия начальства», – «Известия», 1994, 12 марта). А самое главное, осталась в сути своей неизменной основа общественных отношений «реального социализма» – система эксплуатации большинства населения правящим бюрократическим слоем, только к прежнему – коллективному, корпоративному – способу такой эксплуатации прибавились новые, свобода же пользования ими стала почти безграничной.

Это общество, где средства производства, даже если они «приватизированы», по-прежнему лишены заботливого и инициативного хозяина; где не поощряются трудолюбие и бережливость; где царят казнокрадство и коррупция; где безраздельно властвует чин, а рядовой человек перед ним по-прежнему абсолютно бесправен. Как и то, что было раньше, это принципиально застойная структура, лишенная всяких ресурсов саморазвития. Спокойно, эволюционным путем перерасти в нормальное современное постиндустриальное общество она не в состоянии, в то же время мягкую, «бархатную» революцию, наподобие той, что прокатились по странам центральной Европы, наш послеавгустовский режим сумел успешно предотвратить.

И вот этот-то новый застой и новую несправедливость нам предлагают рассматривать как нормальную жизнь! Этот-то ублюдочный псевдокапитализм, результат ограниченных, половинчатых реформ, проведенных за счет народа в пользу «обновленной» и «демократизировавшейся» комноменклатуры пытаются «стабилизировать» и освятить с помощью договора об общественном согласии! Спасибо, господа хорошие, вы славно все придумали.